

K. M. Shilikhina (Voronezh) CONTEMPORARY THEORIES OF VERBAL IRONY: MAJOR ISSUES

The article is focused on the problem of ironic implicatures and their interpretation in different spheres of communication. Irony creates certain relations between the interlocutors. The interpretation of irony can be problematic due to the variety of possible relations: from solidarity to self-defense.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование иронии имеет давнюю научную традицию: возможность сказать одно, имея в виду нечто совершенно другое, привлекала внимание не только философов, но и антропологов, литературоведов, психологов, лингвистов, когнитологов. Разнообразные явления и ситуации, которые сегодня обозначаются термином *ирония*, объединяет идея несовпадения ожидаемого и реального положения дел. Поэтому, классифицируя виды иронии, исследователи выделяют Сократову иронию, драматическую иронию, иронию ситуативную (более известную как иронию судьбы), а также вербальную иронию (Attardo 2007). Представить весь спектр теорий, связанных с иронией, в рамках одной статьи вряд ли возможно. Поэтому мы сосредоточим внимание на современных теориях вербальной иронии.

Каноны описания вербальной иронии сложились ещё в Древней Греции, и на протяжении нескольких веков отнесение иронии к разряду тропов не ставилось под сомнение. Следуя сложившейся традиции, словари и энциклопедии и сегодня определяют иронию как «троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полноте семантики» (Русский язык: 159).

Близкую точку зрения на природу иронии предлагает и Д. Кристал: «*Irony* – language which expresses a meaning other than that literary conveyed by the words, usually for humorous or dramatic effect» (Crystal 1995: 170).

Авторы определений единодушны: говорящий использует иронию в основном для развлечения адресата, который, в свою очередь, должен понимать ироническое высказывание, основываясь на простой формуле: «замени прямое значение высказывания на противоположное по смыслу». Именно этот принцип интерпретации – противоположность сказанного подразумеваемому – и является основанием для выделения иронии как особого тропа в риторике и стилистике.

В современной лингвопрагматике и когнитивной лингвистике аксиоматическое понимание иронии «от противного» подверглось сомнению. Дело в том, что использование иронии не

ограничивается художественными текстами, и далеко не все высказывания, которые можно считать ироническими, поддаются интерпретации «от противного». Кроме того, оказалось, что в дискурсе ирония выполняет гораздо более широкий набор функций, чем развлечение и создание эмоционального (по сути, игрового) эффекта.

Несогласие с традиционным взглядом на иронию можно считать идеей, объединяющей разнообразные теории вербальной иронии, различающиеся в остальных принципиальных моментах.

Современные теории не только описывают функции иронии в различных сферах коммуникации, но и пытаются ответить на целый ряд вопросов, например, что заставляет говорящего использовать иронию, вместо того, чтобы выразить мысль более простым способом? Как соотносятся семантика и прагматика иронического высказывания? Как адресат распознает ироническую интенцию говорящего? Нужны ли для этого специальные «ключи» внутри высказывания, или достаточно знания контекста, в котором было употреблено высказывание? Как и когда возникает умение распознавать иронию и интерпретировать её дискурсивное значение?

Таким образом, вербальная ирония оказывается значительно сложнее, чем просто «подстановка противоположного смысла», и обилие вопросов, связанных с её использованием в повседневной коммуникации, породило целый ряд теорий, направленных на объяснение природы иронии (Colston 2007). Каждая теория объясняет какую-то часть явления. Аспекты, которые оказываются в центре внимания исследователей, можно (хотя и достаточно условно) разделить на семантические и прагматические. Помимо этих аспектов теории различаются по общему восприятию иронии либо как готового риторического инструмента, либо как дискурсивного процесса. Поэтому наш дальнейший обзор теорий будет строиться на анализе того, как исследователи трактуют семантику, прагматику и дискурсивные характеристики иронических высказываний.

▪ **Теории «двухступенчатой интерпретации значения» vs. теории «одноступенчатой интерпретации значения»**

Проблема семантики иронического высказывания может быть сформулирована следующим образом: как соотносятся его

буквальное и подразумеваемое значение? При анализе косвенных способов коммуникации лингвисты «по умолчанию» считают, что понимание буквального значения – это исходный критерий нормы, т.е. тот способ, который носители языка задействуют «по умолчанию».

Существующие теории расходятся в том, как именно адресат интерпретирует значение таких высказываний: с опорой на его буквальное значение, или без него.

К теориям двухступенчатой интерпретации значения могут быть отнесены прагматические концепции, предложенные в работах Дж. Серля (Searle 1979) и П. Грайса (Grice 1975), а также теории, в которых ирония рассматривается как скрытое отрицание. В рамках стандартной прагматической модели коммуникации считается, что в нормальных условиях общения (т.е. при соблюдении принципа кооперации) понимание ограничивается прямым, буквальным значением, но, если это значение вступает в конфликт с контекстом, то адресат «отбрасывает» его и ищет в сказанном скрытый, переносный смысл. Важно, что понимание буквального и скрытого значения представляется как последовательные стадии процесса обработки значения высказывания.

Несколько отличается анализ смысла иронического высказывания в теории С. Аттардо, который рассматривает иронию как скрытое отрицание. В его концепции значение иронического высказывания двупланово: оно одновременно несет в себе и прямое, буквальное значение, и значение косвенное, и именно соотношение этих двух планов значения порождает скрытое отрицание (Attardo, 2001).

Как и в теории Дж. Серля, для понимания иронии адресат должен сначала понять прямое значение высказывания, затем соотнести его с контекстом, и, обнаружив несоответствия на прагматическом уровне, перейти к следующему шагу: поиску скрытого смысла. Однако затем значение сказанного не отвергается полностью: оно дополняется переносным значением.

Несколько иной подход к двухступенчатой обработке значения иронического высказывания представлен в работах Р. Джоры, которая предположила, что адресат понимает значение любого высказывания, в том числе и содержащего иронию, в зависимости от его важности (*Graded Salience Hypothesis*) (Giora 1998; Giora

2003). Такие значения в памяти всегда активируются первыми, но *важное* значение в данном случае не является синонимом *буквального*. Важным может быть как прямое, так и скрытое значение. Ироническое значение не является ожидаемым, поэтому его понимание требует больше усилий и времени. При этом буквальное значение высказывания не может быть отброшено: адресат делает вывод о наличии иронического значения, основываясь на несовпадении буквального значения высказывания с реальной ситуацией.

Исследование процесса понимания иронии в дискурсе ведется экспериментальными методами: иронические высказывания предъявляются испытуемым на фоне эквивалентов, имеющих только прямое значение. Исходная гипотеза для таких экспериментов заключается в том, что иронические высказывания как более сложные по своим семантическим и прагматическим свойствам, потребуют больше времени на обработку.

Сторонники теорий одноступенчатой интерпретации иронического высказывания считают, что последовательная обработка буквального и переносного значений – весьма неэкономный шаг. Человек способен параллельно обрабатывать не только вербальные, но и невербальные сигналы. Следовательно, контекстуальные ключи могут обеспечить адресату достаточно информации для того, чтобы сразу обрабатывать высказывание как не прямое, искать скрытый смысл и не тратить время на буквальное значение сказанного.

К теориям одноступенчатой интерпретации иронии относится популярная точка зрения на иронию как эхо-упоминание Д. Уилсон и Д. Шпербера (Wilson 2007). В рамках теории релевантности ирония рассматривается как результат металингвистической деятельности: говорящий упоминает то, что было сказано кем-то ранее (отсюда метафора эха) и одновременно выражает своё отношение к сказанному. Ирония – это способ дистанцироваться от упоминаемой точки зрения с тем, чтобы высмеять её, показать её несостоятельность. В теории Д. Уилсон и Д. Шпербер не делается принципиального различия между прямым и переносным значением иронического высказывания; любое высказывание может быть понято либо в своем буквальном значении, либо как эхо-упоминание того, что

было сказано ранее. Следовательно, понимание иронии не должно принципиально отличаться от понимания высказывания, иронию не содержащего.

▪ **Теории «с позиции говорящего» и теории «с позиции адресата»**

Классифицируя теории по этому признаку, мы кладем в основу понимание иронии уже не как риторической фигуры, а как речевого акта, в котором происходит нарушение ряда прагматических принципов коммуникации. Прагматический потенциал вербальной иронии может анализироваться с позиции говорящего (и тогда в центре внимания оказывается вопрос, какую коммуникативную выгоду может получить иронизирующий) либо с позиции адресата (здесь исследователи объясняют, какую роль играет адресат в создании иронических отношений между участниками дискурса). Заметим, однако, что анализ прагматических свойств иронии с позиции говорящего встречается гораздо чаще.

Набор функций, которые ирония способна выполнять в дискурсе, достаточно широк. Исследователи выделяют защитную функцию иронии наряду с агрессивной (как известно, лучшая защита – это нападение); ирония может одновременно объединять «посвященных» (т. е. тех, кто понимает, что на самом деле хочет сказать иронизирующий) и отделять «чужих» (тех, кто по разным причинам не способен интерпретировать скрытую интенцию говорящего). Ирония – удобный способ критики, выражения оппозиционного мнения, когда иронизирующий противопоставляет свою точку зрения чужой, показывая при этом несостоятельность последней. Ирония развлекает, смешит, её использование доставляет удовольствие. Таким образом, используя иронию, говорящий одновременно решает сразу несколько прагматических задач: регулирует взаимоотношения между участниками дискурса, выражает критическое отношение к объекту иронии (выражение положительной оценки с помощью иронии встречается гораздо реже), «проверяет» умение адресата высказывания распознавать скрытые смыслы и параллельно развлекает его. Кроме того, ирония связана с языковой игрой, и это дополнительно осложняет интерпретацию вербальных действий иронизирующего.

Для теорий «с позиции говорящего» характерен инструментальный подход к иронии: её использование в дискурсе диктуется стремлением к достижению определённых целей (об инструментальном подходе речь пойдет ниже). Проблема, которая возникает в связи с этим, заключается в следующем: теории «с позиции говорящего» не объясняют тех случаев, когда адресат не справляется с интерпретацией иронии, и говорящий не достигает желаемого эффекта. Можно ли считать высказывание ироническим, если тот, кому оно адресовано, не разгадал настоящего коммуникативного намерения партнера по коммуникации? Кроме того, оказываются исключенными случаи так называемой ненамеренной иронии, когда иронический эффект возникает помимо воли говорящего. Очевидно, что в последнем случае интерпретация высказывания как иронического зависит в большей степени от адресата. Поэтому наряду с теориями «с позиции говорящего» существуют и теории, трактующие иронию «с позиции адресата».

Вербальная ирония характеризуется высокой степенью языкового творчества не только со стороны говорящего, но и со стороны того, для кого было создано ироническое высказывание. На этой мысли основан подход к иронии с позиции адресата (Hutcheon 2005). Ирония не может полноценно функционировать, цели говорящего не будут достигнуты, если по каким-то причинам собеседник не сумеет распознать и правильно интерпретировать адресованное ему высказывание.

Ирония – не готовый продукт, который может быть использован повторно. Она создается в дискурсе усилиями двух сторон: говорящего и адресата. Ироническая интерпретация высказывания возникает, если нарушаются ожидания адресата, иными словами, сказанное не совпадает с пресуппозицией обоих участников коммуникации.

Таким образом, адресату отводится самая активная роль в создании иронии. Интерпретация иронического высказывания требует привлечения механизма инференции не только на семантическом, но и на прагматическом уровне: ирония часто нарушает связность дискурса, внимание коммуникантов привлекают маловероятные события и факты.

▪ **Теории «готового инструмента» и теории «иронии как дискурсивного эффекта»**

Если исследователь в большей степени ориентирован на форму иронического высказывания, то в результате ирония воспринимается как готовый инструмент, которым говорящий/пишущий пользуется для достижения определённых коммуникативных целей. Инструментальное понимание иронии берет своё начало в риторическом подходе к иронии как тропу. Как правило, в этом случае рассматриваются стандартные способы использования речевых формул, за которыми в дискурсе закреплена роль сигналов иронического отношения (Походня 1989). Анализ вербальной иронии в этом случае идёт по пути анализа возможностей использования определённых языковых конструкций для достижения иронического эффекта.

Дискурс часто протекает по заданным образцам, что облегчает его участникам выбор определённых стратегий коммуникативного поведения. Отклонения от «типичных» дискурсивных действий становятся значимыми; они возможны постольку, поскольку нарушающий коммуникативные стереотипы понимает, что адресат воспримет их как значимые, несущие дополнительную смысловую нагрузку. Вместе с тем даже, казалось бы, стандартизированные формы могут приобретать новые значения и выполнять новые функции в дискурсе.

Инструментальный подход предполагает, что ирония является свойством конкретного текста или высказывания, и в этом смысле, как и любой инструмент, существует самодостаточно и независимо от участников дискурса.

Другой взгляд на природу иронии представляют теории, где возникновение иронического смысла становится результатом взаимодействия коммуникантов. Если в своих рассуждениях исследователь отталкивается от тех отношений между коммуникантами, которые ирония создаёт в дискурсе, то перед нами уже не готовый инструмент, а сложный коммуникативный процесс. Ирония *возникает* в результате взаимодействия всех сторон, участвующих в коммуникации. Именно так понимает вербальную иронию Линда Хатчеон (Hutcheon 2005). Ирония становится возможной благодаря тому, что между выраженным и скрытым значениями высказывания есть определённые отношения, так же как есть отношения и между людьми,

различными высказываниями, интенциями и их интерпретациями. Ирония становится результатом активных дискурсивных действий как со стороны говорящего, так и со стороны адресата, поскольку появление иронии в равной степени зависит и от интенции говорящего, и от интерпретации высказывания адресатом.

Подводя итог краткому обзору существующих точек зрения на вербальную иронию, необходимо отметить, что вербальная ирония оказывается сложным явлением, по поводу которого у исследователей нет единого мнения. Споры о том, как именно происходит понимание иронии в дискурсе, заставляют лингвистов не только уделять внимание особенностям не прямой коммуникации, но и выяснять, какую роль буквальное значение играет в интерпретации значения переносного, в том числе в иронических высказываниях.

Упомянем ещё один важный момент: благодаря изучению иронии внимание лингвистов смещается с говорящего на адресата и на процесс взаимодействия коммуникантов в дискурсе – происходит своеобразная компенсация недостатков традиционного прагматического подхода. Дискурс регулируется сложными системами правил и ограничений, и если до недавнего времени лингвисты предпочитали изучать только то, что связано с деятельностью говорящего, то теперь в сферу внимания попадают правила и ограничения на интерпретацию того, что сказано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня – Киев : Наук. думка, 1989. – 126 с.
2. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Дрофа, 2003. – 703 с.
3. Attardo S. Irony As Relevant Inappropriateness / S. Attardo. // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. New York, London. 2007. – С. 135-172.
4. Colston H.L. A Brief History of Irony / H.L. Colston, R.W. Gibbs. // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader.

Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. New York, London. 2007. – С. 3-24.

5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : CUP, 1995. – 489 с.

6. Giora R. Irony: Graded Salience and Indirect Negation / R. Giora // Metaphor and Symbol, 13 (2). – С. 83-101.

7. Giora R. On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language / R. Giora. – New York : Oxford University Press, 2003. – 259 с.

8. Grice P. H. Logic and Conversation / P. H. Grice // Speech Acts: Vol. 3. Syntax and Semantics. – New York : Academic, 1975. – С. 41-58.

9. Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony / L. : Hutcheon. – New York : Routledge, 2005. – 248 с.

10. Searle J. Expression and Meaning / J. Searle. – Cambridge University Press, 1979. – 197 с.

11. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / Ed. by H. L. Colston & R. W. Gibbs. – New York, London : Lawrence Erlbaum Associates. 2007. – С. 35-56.

Получено 29.09.2008

Шилихина, Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета; shilikhina@gmail.com.